

На следующее утро, когда Вэй Цю проснулся, Чэн Шинаня уже не было — в маленьком дворике стояла тишина.

Вэй Цю оделся и, протирая глаза, вышел искать мужа: — Ши-гэ? Ши-гэ, ты где?

Никто не отозвался. Вэй Цю заглянул в кухню — и там пусто, лишь в печи еще мерцали искры. Он поднял крышку котла, увидел, что там внутри, и невольно улыбнулся...

В котле томилась каша, причем не из грубого зерна, а чистая рисовая. Рядом лежало вареное яйцо. Вэй Цю спрятал яйцо за пазуху, чтобы не остыло, и принялся за кашу с соленьями прямо у плиты.

Едва он закончил, во двор въехал Чэн Шинань, толкая перед собой тележку с камнями.

Вэй Цю поспешил навстречу: — Ши-гэ, зачем так рано ушел? Мог бы и меня разбудить.

Заметив пот на лбу мужа, Вэй Цю понял, что тот встал ни свет ни заря.

Он тут же отжал полотенце и вытер ему лицо: — Ты завтракал?

Шинань, переводя дыхание, кивнул: — Поел перед уходом. А ты?

— Я тоже, — Вэй Цю достал из-за пазухи яйцо, очистил его и разломил пополам. Одну половину съел сам, а вторую поднес к губам Шинаня.

Он знал: если не сделает так, Шинань ни за что не притронется к еде. И верно — увидев, что Вэй Цю уже съел свою часть, и встретив его упрямый взгляд, Шинань был вынужден открыть рот. Вэй Цю с довольным видом убрал руку.

— Где ты взял тележку? — Вэй Цю разглядывал это приспособление, похожее на тачку с одним колесом, поверх которой была прилажена доска — выглядело немного нелепо.

— У Цянь Миня. Его отец раньше был разносчиком товаров, целыми днями возил эту тележку по деревням. Но в последние годы у дяди Цяня ноги совсем разболелись, вот она и стоит без дела.

— Понятно, — кивнул Вэй Цю.

Немного передохнув, они вдвоем отправились к горе. С тачкой дело пошло гораздо быстрее и легче: к обеду весь передний двор был уже засыпан.

После полудня, закончив свои дела, прибежали Цянь Бао и Цянь Минь. Утром, когда они ходили за хворостом, видели, как супруги мостят двор, и решили помочь. С их приходом Шинань велел Вэй Цю идти отдыхать, и братья Цянь дружно его поддержали.

— Вэй-гэр, не беспокойся, такие мелочи предоставь нам!

Вэй Цю с улыбкой поблагодарил их и пообещал вечером снова приготовить тушеную свинину (хуншаожоу). Ребята радостно гикнули и, словно сорвавшиеся с привязи кони, умчались к горе за камнями.

Вэй Цю сначала подготовил продукты для ужина, а затем взял корзинку и отправился к ручью неподалеку собирать гальку. Шинань не хотел, чтобы он ходил к большой реке ниже по течению, и Вэй Цю послушался — он понимал, что муж оберегает его от лишних встреч с

деревенскими. Впрочем, Вэй Цю это даже устраивало: он по натуре был домоседом и мог неделями не видеть людей, не испытывая тоски.

Благодаря помощи братьев Цянь работа спорилась. Скоро весь щебень был на месте. Втроем они ровняли его во дворе, разбивая крупные камни и утрамбовывая их. Вэй Цю на корточках выкладывал гальку на заранее подготовленные участки: сначала слой песка, затем камни, плотно прижатые друг к другу, а сверху — еще слой песка, чтобы заполнить щели. В конце он пролил всё известковым раствором — когда подсохнет, можно будет ходить не боясь грязи. К счастью, сегодня было солнце и ветер, так что сохнуть должно быстро.

Как только раздался клич: «Обедать!», троица в огороде тут же бросила инструменты и побежала мыть руки.

На столе их ждало пиршество: огромная миска хуншаожоу, бамбук с мясом, тушеные баклажаны — всё яркое и ароматное. Рисовая каша и пышные «цветущие» булочки прилагались в избытке.

Цянь Бао втянул носом воздух и блаженно протянул: — Как же пахнет! Вэй-гэр, после твоей стряпни мне совсем не хочется есть то, что готовит матушка!

Цянь Минь со смехом закивал.

Вэй Цю пододвинул тарелки ближе к ним: — Заходите, если захочется, а сегодня ешьте вволю.

После трудового дня аппетит у всех был отменный. Братья ели, не переставая восхищаться «пищей богов». Вэй Цю с улыбкой наблюдал за ними — для повара нет большей радости, чем видеть, что его еда нравится людям.

— Вэй-гэр, ну почему даже баклажаны у тебя такие вкусные? У моей мамы они вечно черные и разваренные, — Цянь Бао с сомнением крутил в руке булочку, чувствуя, что все свои семнадцать лет ел баклажаны неправильно.

Все расхохотались, а Цянь Минь звонко добавил: — Да Бао, если ты посмеешь сказать это тетушке в лицо, я признаю, что ты настоящий мужик!

Цянь Бао, вспомнив крутой нрав матери, втянул шею в плечи и замахал руками: — Ой, нет... не посмею.

Он промолчал о том, что только вчера получил от неё затрещину за то, что пожаловался на пресную еду. Вэй Цю и Шинань переглянулись, не в силах сдержать смех, и продолжили слушать перепалку братьев — в доме стало очень шумно и весело.

После ужина братья поблагодарили хозяев, сказали обращаться, если что нужно, и, прихватив тележку, весело укатили домой.

Когда Цянь Бао вернулся, семья старосты как раз ужинала. Невестка кормила маленького племянника.

Увидев довольное лицо деверя, она улыбнулась: — Да Бао, вернулся? Садись скорее есть.

Цянь Бао похлопал себя по животу: — Я уже поел у брата Шинаня.

Староста Цянь Юлян постучал по столу: — Бестолковый! Шинаня только-только отделили,

запасов в доме нет, а ты и позавчера там ел, и сегодня! Если еще раз так сделаешь — больше к ним не пойдешь!

Цянь Бао мгновенно притих. С детства он боялся отца: стоило тому нахмуриться, как у сына поджилки тряслись.

Он неловко почесал затылок и прошептал: — Отец, я и сам не хотел, но Шинань-гэ и Вэй-гэр так приглашали... К тому же... к тому же, Вэй-гэр готовит слишком вкусно!

Тетушка Цянь, видя виноватый и одновременно восторженный вид сына, не выдержала: — Неужто и впрямь так вкусно?

Цянь Бао подсел к матери: — Честное слово, матушка! У Вэй-гэра руки золотые. Я вкуснее в жизни ничего не ел, даже в городском «Цичжэньсюань», наверное, хуже.

Тетушка Цянь легонько стукнула сына по лбу: — Ты когда это в «Цичжэньсюане» бывал, чтобы сравнивать?

Цянь Бао закрыл голову руками: — Я мимо проходил! Пахло там точно не так вкусно, как у Вэй-гэра!

Старший сын старосты, Цянь Хуай, потрепал брата по макушке: — Ну раз твой собачий нюх так говорит — значит, правда.

За столом все дружно рассмеялись.

Когда веселье утихло, староста серьезно наказал сыновьям: — Заходите к Шинаню почаще, присматривайте, не нужна ли помощь.

В доме Цянь Миня царил такая же теплая атмосфера. Когда он вернул тележку, его отец и Амо уже закончили трапезу. Узнав, что сын сыт, Амо Цянь тоже принялся его отчитывать.

Нрав у Амо Цяня был суровый, на всю деревню известный. Раньше отец Цянь Миня был слишком мягкотелым, и когда его родители умерли, соседи всю пользовались их добротой. Но когда тетушка-сваха сосватала ему этого фулана, семья наконец-то встала на ноги...

Цянь Минь тер уши и молил о пощаде, а отец лишь посмеивался в стороне. Но Амо Цянь знал лучше других, как тяжело поднимать хозяйство с нуля. Когда-то у него самого была поддержка родни и семьи старосты, но и тогда они хлебнули горя — не зря у его мужа ноги в таком возрасте уже не ходят...

А у Шинаня с Вэй Цю ситуация была куда тяжелее. Когда Чэн Пингуй выгонял сына, на следующий день они с женой пошли к сельскому старосте. Сначала плакались, что Шинань — неблагодарный сын, довел старуху-мать до того, что та с кана встать не может. Твердили, что сделали для него всё: не побрезговали его хромотой и даже жену купили. Мол, «такого сына наша семья не прокормит», поэтому — только раздел имущества. Цянь-ши (мачеха) всё это время подливала масла в огонь.

Староста, слушая их, только за голову хватался. Против сыновнего долга не попрешь, так что пришлось звать ричжэна (главу общины) и писать бумаги. Ричжэн настоял: раз отделяете сына, дайте ему хоть что-то для жизни.

Тут же Цянь-ши запричитала: мол, только что похоронили старшего сына Чэн Шидуна, бабка

болеет, младший в академии — денег ни гроша, самим бы зерно последнее не продать... В общем: ни денег, ни зерна. В итоге Чэн Пингуй швырнул на стол дарственную на старую развалюху у подножия горы — и на этом всё.

Даже это Цянь-ши пыталась забрать обратно, проклиная «выродка» в душе. Но ричжэн так грохнул по столу, что она отскочила.

— Отделяете сына и ничего не даете перед самой зимой?! Вы их смерти хотите? И вообще, когда мужчины дела решают, что тут забыла эта длинноязыкая баба?

Цянь-ши притихла. Ричжэн, с лицом чернее тучи, велел написать в бумагах: отныне эти две семьи не имеют друг к другу отношения ни в жизни, ни в смерти. Чэн Пингуй холодно поставил оттиск пальца и ушел.

За такое бессердечие в деревне многие плевали им вслед. Поэтому, когда Цянь-ши выбросила вещи Шинаня на улицу, Мэн Цюань с парнями пошли помогать ему обустроиваться, а их родители поддерживали их, отдав ребятам ненужную в хозяйстве утварь.

Вспоминая об этом, Амо Цянь вздохнул, глядя на простодушного сына: — Эх ты... В общем, заходи к ним почаще, помогай Шинаню...

---

На следующее утро Вэй Цю развешивал белье во дворе, когда увидел приближающихся Амо Цяня и тетущку Цянь.

Он видел их мельком, когда еще лежал больной, и теперь удивился их визиту: — Тетущка Цянь, Амо Цянь, вы как здесь?

Свояченицы с улыбками вошли во двор и с одобрением огляделись. По сравнению с тем запустением, что было здесь полмесяца назад, всё разительно изменилось!

Амо Цянь первым заговорил своим звучным голосом: — Ну и работающий же ты, Вэй-гэр! Посмотри, какой порядок во дворе навел!

Тетущка Цянь подхватила: — Повезло Шинаню с тобой, ох повезло!

Они рассыпались в похвалах, отчего Вэй Цю покраснел — эти люди были слишком радушны. Он пригласил их в дом, налил воды и выставил четыре кусочка бобового печенья, купленного Шинанем.

Амо Цянь подождал, пока юноша присядет, и достал из корзины две пары обуви — побольше и поменьше.

— Вот, на днях шил сапоги Цянь Миню, да с размером промахнулся — ни сыну, ни отцу не подошли. Подумал, Шинань-то высокий, ему в самый раз будут. Да и маленькие вот сшил, тебе подойдут. Работа деревенская, грубая, уж не обессудь!

Вэй Цю принял подарок с восторгом: — Да что вы, как можно... Спасибо огромное, Амо Цянь!

Он с нескрываемой радостью рассматривал обувь.

— Признаться честно, Амо, я как раз голову ломал, где Ши-гэ обувь достать. На днях он в город ходил дичь продавать, так купил мне и одежду, и туфли, а на себя и медяка не пожалел. Его-то

сапоги совсем развалились, а на улице холодает. Я как раз думал, как бы ему пару справиться.

Женщины смотрели на этого кроткого, застенчивого юношу, и сердца их наполнялись нежностью и жалостью.

— Зачем покупать? — мягко сказал Амо Цянь. — Если чего не хватает, говори мне, я вам сошью.

Тетушка Цянь кивнула: — Верно. Нам с Амо Цянь скажи — мы в деревне по рукоделию не последние мастерицы.

Вэй Цю согласно закивал — теперь он был спокоен: скоро зима, и теперь он знал, к кому обратиться за помощью с одеялами и ватной одеждой.

— Тогда в будущем буду вас беспокоить! — улыбнулся он.

Гости посидели совсем недолго, из вежливости съели по кусочку печенья, попили воды и ушли. Они видели, что Вэй Цю немного стесняется, и не хотели его утомлять. Главное — они убедились, что жизнь у молодых налаживается.

Вэй Цю проводил их до края деревни, а когда вернулся, Шинань уже пришел с горы.

Увидев вещи на столе, он спросил: — Кто-то приходил?

Вэй Цю просиял: — Амо Цянь и тетушка Цянь заходили! Амо Цянь принес две пары обуви, а тетушка — десять яиц.

Вэй Цю понимал, что слова про «ошибку с размером» — лишь вежливая отговорка. Как могла мастерица, всю жизнь общивающая семью, не знать размер ноги сына?

И Шинань, и Вэй Цю в душе отметили эту доброту — они решили обязательно отблагодарить обе семьи, когда дела пойдут в гору. После этого Вэй Цю радостно велел Шинаню мерить обновку. Но тот ответил, что примерит вечером, когда вымоет ноги — сейчас они все были в грязи после леса, где он ставил силки на дичь. Вэй Цю аккуратно положил обувь на кан, дожидаться вечера...

<http://bllate.org/book/17091/1595873>